

ВАДИМ ПАНОВ

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

РОДНАЯ КРОВЬ



ТАИНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов
Родная кровь

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Родная кровь / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2016 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-92492-9

Вдали от Тайного Города некому было распознать в скромной старушке Софии Энгель ведьму, которая, спрятавшись на окраине Владимира и начинив дом амулетами, много лет хранила от всех древнюю тайну. Погибнув от рук наемника-хвана, старуха прихватила в могилу и своего убийцу, и секрет семьи Энгель. Но у ведьмы осталась внучка – последняя ниточка к таинственному артефакту, о силе которого в Тайном Городе ходят легенды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92492-9

© Панов В. Ю., 2016
© Эксмо, 2016
© Панов Вадим, 2016

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вадим Панов, Дарья Зарубина

Родная кровь

© Панов В., Зарубина Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Длинные плети травы, заканчивающиеся пушистыми метёлками, почти доставали до нижних веток чахлых берёз. Медлительные от жары мухи гудели низко, словно неспешные бомбардировщики. Разъезженная грязь высохла на солнце неровными гребнями, и улица походила на слеplенную из глины реку. Да и какая, к демонам, улица – коротенький проезд на шесть домов по одной стороне, а по другой – густой березняк, оттеснённый от обочины неглубокой канавой.

Провинция...

Вала брезгливо оглядел одноэтажные домики с двускатными крышами и мысленно обругал себя за то, что согласился на работу в этом забытом Спящим городишке. Не пришлось бы крошить подошвами засохшую грязь, вглядываясь в запыленные золотыми шарами и мальвами палисады улицы... Дедушкиной.

Тьфу!

Дедушкина улица!

Если парни узнают, то он от «дедушкиного дела» года два не отмоеся, будут подначивать при каждом удобном случае.

«Кого ты завалил на Дедушкиной улице? Неужели бабушку? Или её серенького козлика? Или, упаси Бог, Колобка?»

Дедушкина улица, едрить её!

По уму, надо было брать с заказчика процентов на тридцать больше, но кто ж знал, что «дедушкина» улица действительно окажется Дедушкиной? Да и заказчик на встречу не явился, прислал человеческого колдуна, безликого, как мешок с удобрениями, и слабенького, даже не первой полусотни. Хотя... всего и толку от лакея: передал хвану трубку, чтобы тот услышал голос старика. Вала был уверен, что заказчик стар, поскольку накопить столько зла и усталости можно лишь за долгий век. Возможно – за очень долгий.

Хван остановился и внимательно оглядел почти одинаковые «дедушкины» дома: стены обшиты светлым сайдингом; металлические двери; пластиковые окошки эконом-класса, в том, что слева, – горшок с геранью, в приоткрытом правом развалился толстенный кот...

Как могла колдунья из подобной дыры насолить кому-то настолько, чтобы недруг нанял хвана?

Вала посмотрел на номера домов: первый, третий, пятый... В левом окошке пятого стоит горшок с геранью...

Стоп!

Одинаковые герани.

Хван бросил взгляд на номер дома – третий. Но, позвольте, ведь третий – тот, что второй слева! Или это он и есть?

Почти одинаковые дома мягко закружились, играя в «смену мест». Пятый стал первым, третий – седьмым... Дедушкина улица оказалась не так проста, как выглядела на первый взгляд, кто-то раскинул на ней тщательно замаскированную сеть морока, но недооценил уровень убийцы.

Или не ожидал, что в эту дыру явится настоящий хван.

Вала улыбнулся и тихо прошептал защитное заклинание: сильное, но так же, как морок, едва заметное. Вряд ли ведьма поймёт, что рядом колдун.

Толстый кот лениво повернул к хвану голову, но, не найдя ничего интересного, вновь сожмурился.

«А на дедушкиной улице живёт очень хитрая бабушка...»

Не снимая морок, делающий его абсолютно невидимым для окружающих, Вала приблизился к третьей калитке, бесшумно открыл её, пересёк цветник... и оказался возле дома номер семь. Вздрыгнул, огляделся и увидел, что из соседнего вышла на крыльцо старуха в коричневой юбке и тёмно-синей кофте. Вышла и замерла, прищурив выцветшие глаза, – искала того, кто попался в её примитивную ловушку: почтальон сменился или нового участкового назначили? Судя по всему, все чужие оказывались не там, где надо, и хван чертыхнулся, обругав себя за то, что прокололся на стародревних человских чарах, однако, чертыхаясь, он уже бежал к соседнему дому.

Старуха охнула и развернулась к двери.

Поняла, что за неё...

Вала перемахнул через невысокий забор, следующим прыжком добрался до крыльца, взлетел по нему и сильным пинком втолкнул старуху внутрь, не позволив ей захлопнуть дверь перед его носом – кто знает, какие ещё трюки приготовлены неожиданным гостям?

К тому же сломанная дверь сделает картинку похожей на обычное ограбление: наркоманы забрались в дом в надежде пожить и пристукнули бабку. «Бытовуха», которую будут расследовать очень и очень вяло...

– Сгинь!

– Да я ненадолго!

Старуха сумела резко развернуться посреди комнаты: белая как лунь, приземистая, как садовый гном, с пылающими ненавистью глазами. Развернулась, сдёрнула с шеи кулон с крупным красным камнем и сразу же атаковала. «Эльфийская стрела» просвистела там, где только что стоял четырёхрукий, и если бы не знаменитая реакция хванов, в груди Вала появилась бы аккуратная круглая дыра диаметром в пару дюймов.

– Хочется жить?

– Ещё как!

– Извини.

Хван покатился по полу, пропуская «стрелу» над головой, и ответил неожиданно – нож. Слабость старых ведьм заключалась в том, что, начав магическую схватку, они совершенно забывали о других способах сражения и пропускали удары, которые с лёгкостью парировали даже начинающие наёмники.

Клинок вонзился старухе в горло, кровь хлынула на доски пола, Вала поднялся, отряхнул брюки, вытащил нож, вытер его о кофту ведьмы, попутно разглядывая булькающую старуху, кивнул, решив, что опасности нет, и занялся обыском дома и устройством погрома так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в виновности местных наркоманов.

Уронил телевизор в гостиной, разбил стоявшего на комодe фарфорового мопса, сбросил с горки посуду. Затем отправился в спальню и расшвырял по полу вещи: ситцевые халаты, хлопковые панталоны, носки-самовязки на все случаи жизни, включая ядерную зиму, кофты, старые пальто. Расшвырял со злостью, поскольку до сих пор не нашёл и даже не почувствовал того, что искал.

Ведьма оказалась хитрее, чем ожидал четырёхрукий.

– Где же тайник?

Обстановку третьей и последней комнаты составляли синий детский диванчик с пёстрыми рыжими жирафами, продавленная тахта, застеленная старым пледом, и комод, в котором хван обнаружил абсолютно не подходящие старушке кружевные трусики, несколько стильных топов, кокетливый пеньюар, детские колготки, пижамки и другие вещи, свидетельствующие о том, что со старухой жила молодая женщина с ребёнком. То ли родственница, то ли жиличка...

Вала выдернул верхний ящик, бросил его на пол и остановился, удивившись, насколько девичье барахло оказалось легче старухино.

«Или у ведьмы другой комод, или...»

Разгадка пришла неожиданно. Хван бегом вернулся в спальню старухи, поднял выброшенный несколько минут назад ящик с носками, взвесил его на руке, а затем что есть силы шарахнул об угол стола. С хрустом переломились доски, с тихим шелестом посыпались носки, и об пол что-то стукнуло...

– Праздник к нам приходит... – пробурчал Вала, вытряхивая из шерстяного носка находку. – Просто приходит, не надо ничего пить...

И присвистнул, вытащив из носка камею, изображающую фантастического зверя – изготовившуюся к прыжку мантикору. Впрочем, фантастическим зверем мантикору считали лишь обычные челы, Вала же прекрасно знал и адрес питомника, где этих тварей выращивали, и зоопарка, где на них можно было поглазеть. А удивился он другому: камея была мощным, под завязку наполненным артефактом, скрывавшим в себе точную копию настоящей мантикоры, готовую вступить в бой. Артефакт был готов к работе, и лишь удачный бросок ножа помешал ведьме призвать грозную помощницу.

– Интересно...

Хван вышел в гостиную и замер в дверях, увидев шевелящиеся пальцы старухи. Она не умерла, как надеялся Вала, а лишь умирала, но собиралась прихватить врага с собой.

Клокотание из пробитого горла, пузырящаяся кровь и пальцы, которые...

Которые...

«Магия жеста!» – понял хван в тот самый миг, когда из-под рукава потёртой кофты выскользнул призванный старухой золотой браслет и вспыхнул так ярко и горячо, словно в нём прятался кусочек солнца.

Пламя поглотило и Вала, и старую колдунью, и весь невзрачный домишко – третий по Дедушкиной улице...

* * *

Один месяц спустя

Молодая женщина элегантно опустилась на стул, скрестила стройные ножки и, очаровательно улыбнувшись маникюруше, возложила изящную ручку на валик.

– Сегодня никакого силикона, Настя, просто френч... – Вздохнула и добавила: – Здесь красоваться не перед кем.

И лишь после этого оглядела салон, театрально задержав взгляд на крупной даме в парикмахерском кресле. Дама ждала, когда прокрасятся волосы, уйти не могла, поэтому, заметив взгляд, фыркнула и пошевелила пальцами, колыхнув золотыми кольцами с чересчур большими, до пошлости, камнями. И даму можно было понять – новая посетительница оказалась раздражающе красива. Длинные платиновые волосы ложились на хрупкие плечи крупными волнами; большие аквамариновые глаза были настолько чистыми, что наводили на мысль о цветных линзах; маленький носик чуть вздёрнут; губы изящно очерчены и привлекают внимание не только мужчин, но и женщин...

Заметив реакцию дамы, красавица заправила за маленькое ушко идеально завитую прядь и приятно улыбнулась крашеной. Та прошептала что-то невнятное и отвернулась.

Девушка-маникюруша с покорной печалью наблюдала за дуэлью взглядов, и внимательный зритель заметил бы, что ей немного жаль толстую обладательницу пошлых колец, поскольку с новой клиенткой мало кто мог соперничать. Может, в столице, откуда приехала блондинка, и нашлась бы более изящная ножка, более тонкая шиколотка, более хрупкое запястье, волосы светлее и мягче, и кожа, такая же чистая, но более тёплого, кремового оттенка – но не здесь, не во Владимире. И имя у клиентки было редкое, мелодичное, такое, что приятно произносить, наслаждаясь тем, как тает оно на языке, словно снежинка, – Велена.

Маникюршу звали Настей, это простое имя никогда и ни у кого не возбуждало желания произнести его с благоговейным наслаждением, и поэтому Настя невольно симпатизировала «кольценосной» даме, с лёгким оттенком сочувствия и жалости, так жалеет дурнушка дурнушку. Хотя, если быть честной до конца, совсем уж дурнушкой Настя себя не считала. И лодыжки, скрытые потёртыми джинсами, были такими же тонкими и изящными, словно у платиновой красавицы-клиентки. И глаза, тёмно-карие, с искрой, могли бы соперничать с равнодушно-насмешливыми аквамаринами Велены. Но на стороне столичной дивы были долгие часы процедур в косметических салонах, хороший сон и толстый кошелёк, а в анамнезе Насти – съёмная комната в «малосемейке», ежедневные бдения в больнице у Кирилла да крошечная косметичка, в которую помещался отечественный тональный крем с раскоряченной в напряжённой позе балериной, тюбик помады, цвета чайной розы, и подаренная подругой коричневая тушь. Настя сморгнула, спрятав жалость к себе в глубину тёмных глаз, и щёлкнула маникюрными щипчиками:

– Красоваться и правда особенно не перед кем. Но ухоженной быть приятно. Думаю, ваш спутник...

– Спутник? Ах, Святик... – Велена пошевелила пальчиками – жест получился куда изящнее, чем у дамы в золоте. – Святик не из тех мужчин, которые смотрят женщине на руки, его интересует другое, если ты понимаешь, что я имею в виду, милая Настя.

– Хм... – Маникюрша порозовела.

– На руки он смотрит, только обнаружив там какое-нибудь колечко эпохи нибелунгов или иной древности... – Красавица улыбнулась. – С другой стороны, хорошо, когда твой любовник – антиквар: можно не бояться состариться – станешь для него только интереснее. И дороже.

Несмотря на шутливый тон клиентки, в чистоте её глаз на секунду отразилось то, что она пыталась скрыть за напускной весёлостью – боязнь старости. И это был не страх абстрактного будущего, нет. Столичная штучка чувствовала приближение извечной убийцы женской красоты: в уголках глаз можно было увидеть тоненькие морщинки, носогубные складки углубились, а идеальная линия подбородка готова была через год-два утратить совершенную гладкость.

Старость занесла резец над фарфоровым личиком Велены, и та, старательно делая вид, что ни капли не боится, удвоила время на СПА и косметические процедуры. Даже здесь, во Владимире, где «красоваться не перед кем» и где блондинка оказалась вслед за другом и покровителем Святомиром, отбывшим в тихий городок лет на пять, – нужно было сменить личину, чтобы вернуться в Тайный Город другим «человеком». По документам, конечно же, только по документам, потому что в реальности крепкий люд Святомир не имел к человеческому племени никакого отношения.

Велена могла бы остаться в Москве, но, поразмыслив, решила сопроводить любовника во временную ссылку, логично рассудив, что их отношения себя не исчерпали и богатый люд может быть полезным.

– Меняем ручку, – проговорила Настя, внимательно глядя тёмными глазами в лицо Велене, и вырванная из раздумий колдунья вздрогнула, отчего-то подумав, что девчонка-маникюрша способна читать мысли.

Прищурилась, отвечая внимательным взглядом на внимательный взгляд, не уловила ничего подозрительного в человеческой замухрышке и переложила правую руку под мертво-синий свет, опустив пальцы левой на подушечку под лампой.

Тёплые руки маникюрши коснулись указательного пальца красавицы и едва не заставили Велену вздрогнуть повторно.

«Да что со мной такое?!»

Ведьма на мгновение закусила губу.

«Плохие предчувствия?»

Велена была не самой сильной колдуньей Тайного Города, её многие превосходили в силе, даже челы, но опыта у блондинки было предостаточно, и она знала, что такие вот неожиданные смены настроения и нервные вспышки частенько намекают на грядущие неприятности.

«Появилась опасность? Интересно...»

Лак ложился ровно, движения девушки были чёткими и уверенными, и Велена разрешила себе немного расслабиться и пока не думать о неприятных предзнаменованиях. Дома, успокоившись, она попробует заглянуть в будущее, а сейчас нет смысла дёргаться.

– Знаешь, Настенька, добавь-ка парочку страз, – улыбнулась колдунья, скорее самой себе, чем невозмутимой маникюрше. – То, что я, как верная подруга, пошла за своим папиком в этот медвежий угол... – Она рассмеялась собственной шутке, продолжила: – ...Не значит, что я теперь должна превратиться в унылую аскетку с банальным «френчем».

Настя не улыбнулась. Привычным движением обмакнула кисточку в белый лак. Велена с досадой поняла, что девушка её не слушает.

– Настя!

– Да, Велена Львовна, – виновато улыбнулась девушка. – Простите, задумалась.

– И какие же такие думы бродят в этой прелестной головке, – покровительственно усмехнулась ведьма. Какие могут быть волнения у двадцатилетней девчонки, которая целый день пилит в салоне ногти? Ни богатого любовника, которого нужно удержать, ни шикарной весёлой жизни...

– У меня сын в больнице.

«О, нет! – Велена мысленно прокляла себя за излишнюю общительность. – Сейчас эта курица начнёт давить на жалость и кланчить деньги. А ещё показалась нормальной... Впрочем, чего ждать от девушки, которая ходит на работу в таких джинсах?»

Велена едва сумела скрыть брезгливость, лишь уголки идеально очерченных губ чуть опустились, да слегка приподнялась безупречно подкрашенная бровь. Левая.

– Закончим с моими ручками, дорогая, и дашь мне номер карты, попробуем что-нибудь сделать, – начала она, надеясь избежать разговоров о несчастном ребёночке и прочих гадостях.

Но вместо благодарности Настя глянула на неё волком. И хотя уже через секунду тёмные глаза вновь стали спокойными, взгляд ведьма запомнила.

– Не стоит, Велена Львовна, я справляюсь. Просто вы спросили, я ответила, ничего более.

«Однако девчонка с характером».

– Зря ты так, – ласково проговорила она напрягшейся девушке. – Если кто-то хочет помочь, это не унижительно. Дают деньги – бери. Ты не просила, поэтому бери, и неважно, почему дают: из жалости, из глупости, чтоб отвязаться или, наоборот, привязать – неважно. Раз дают – бери. Настоящая женщина должна не справляться, а жить.

– Я ничего не просила, – стиснув зубы, отозвалась маникюрша, но Велена уже почувствовала себя хозяйкой жизни и не думала прекращать назидания.

– Верно, милая, верно, – вполголоса проговорила она, склонившись ближе к лампе. – И не проси. А то, что я так подумала... – Велена окинула взглядом простенькую блузку маникюрши, обитые носы её рабочих туфель, которые, Насте казалось, не видны из-под стола, разделявшего её и клиентку, дешёвые серебряные серьги... – Так выглядят женщины, которые привыкли кланчить. Ты работаешь в салоне красоты, но при этом выглядишь так, словно...

– У меня дом сгорел месяц назад, – чувствуя, как закипают на глазах слёзы, буркнула Настя. – Погибла моя бабушка, а у нас с Кириллом больше никого нет. И он – в больнице. Это так внезапно всё, и дорого, и я пока... не успела встать на ноги после всего. Похороны...

– Не проси и не жалуйся! – наставительно перебила её Велена.

Настя не с первого раза сумела подцепить пинцетом страз. Она отчего-то чувствовала себя затравленной, загнанной в тупик каким-то хитрым и опасным зверем.

– Я много лет одна, милая, – продолжила клиентка, приложив к груди растопыренные пальчики с влажно поблёскивавшим свежим маникюром. Но тотчас спохватилась, вернула их под синий свет. – Я совершенно одна. И я сделала себя сама. Как видишь, ни единой слезы. И никаких жалоб.

Велена, любуясь собой, склонила голову с королевской грацией и бросила на девушку взгляд, полный унижительной жалости.

– Не думай о прошлом, иначе навсегда останешься там. Думай о будущем. Сделай себе приличную причёску, нормальный макияж, купи новую блузку, в конце концов. Стиль «серая мышь» тебе совершенно не к лицу, дорогуша. Сделай то, что я сказала, и не успеешь оглянуться, как найдётся солидный мужчина, который захочет, чтобы ты выглядела так всегда. Хотя... у тебя ребёнок... – Велена задумалась, постукивая – осторожно, чтоб не испортить маникюр, – пальчиком по губам. Сверкнули белым огнём стразы. – С ребёнком будет сложнее, но... всё равно можно что-нибудь придумать.

Настя уставилась на лежащую перед ней руку, сосредоточившись на зажатом в пинцете стразе. Что может знать эта холёная красотка, которая живёт только для себя, о том, как приходится тем, кому выпало заботиться о других? О том, сколько стоит платная палата, лекарства, капельницы и сиделка... Она не знает, что можно хоронить дорогого человека в кредит и жить на пачке йогурта в день.

«Как какая-нибудь диккенсовская сиротка, – усмехнулась своим мыслям Настя, мгновенно перестав жалеть себя. – Жалеешь себя – жалеют другие, вот и не удивляйся, что клиентки пытаются подать тебе на милость».

– Спасибо, Велена Львовна, – улыбнулась, с трудом заставив губы двигаться, Настя. – И правда, я совсем себя запустила со всеми этими проблемами.

Девушка пожалела, что заговорила с клиенткой о сыне, но, быть может, из желания показаться великодушной столичная дама поможет с лечением. Для себя Настя никогда и ничего не просила, но для Кирилла она, если понадобится, готова была ползать по полу перед кем угодно и умолять.

Велена удовлетворённо рассматривала сверкающие стразами пальчики. Затем, стараясь не касаться ногтями сумочки и кошелька, протянула девушке купюру, величаво отказавшись от сдачи.

– Вот что, Настенька, раз уж я застряла в вашем захолустье, думаю, мы можем подружиться. Тебе просто необходима фея-крёстная, которая научит правильно относиться к жизни. В среду я приду к косметологу и хочу, чтобы ты сидела на этом самом месте в новой блузке. Всё поняла?

Велена выпорхнула за двери салона. Настя взяла со стола одну из ромашек с образцами лака и принялась рассеянно крутить в пальцах.

– Ты прям будто Алёнушка, – хохотнула, проходя мимо неё, породная клиентка. Уложенные волнами волосы почти скрыли её крупные золотые серьги, но дама компенсировала потерю, щедро блеснув золотыми коронками. – На ромашке гадаешь, любит-не-любит, к сердцу прижмёт?

– Я не Алёнушка, я Настенька, – отозвалась Настя с улыбкой. Золотозубая толстушка не набивалась к ней в подруги, не учила жить. Она просто сказала, походя, замученной девушке с ромашкой искусственных ногтей в руках, что та похожа на героиню сказки.

– Как в «Морозко»? – Клиентка захохотала, прикрыв унизированной перстнями ладошкой золотоносный рот.

– И могу прямо сейчас сделать вам сказочный маникюр. У меня как раз есть свободные полчаса, – подхватила Настя, указав даме на стул.

Та уселась и, продолжая посмеиваться, положила полную руку на подушечку. Настя взялась за щипчики.

* * *

«Мерседес» остановился у тротуара, но и только: открывать дверцу, хотя бы изнутри, и уж тем более выходить из машины, чтобы поприветствовать подругу, Святомир не собирался, остался за рулём, увлечённо разговаривая по телефону с Ашравом Турчи. Шас давно уговаривал люда уступить антикварный магазин «Лавка времени» и особенно активизировался сейчас, когда необходимость смены документов для следующей «легализации» в человеческом обществе заставила Святомира на несколько лет покинуть Тайный Город. Разумеется, вести дела можно и из Владимира, но Святомиру было уже девяносто, но, несмотря на то что для люда возраст считался небольшим, старые раны давали о себе знать, и антиквар нет-нет да задумывался о досрочном уходе на покой. К тому же неугомонный шас предложил отличную цену, и единственное, что препятствовало сделке, было наличие совладельца – Лютополка.

Обязанности компаньоны делили чётко: Святомир отвечал за «определение цели», то есть поиск информации об интересных артефактах или реликвиях, а также за общение с клиентами; а Лютополк добывал искомое, решая все возникающие «сопутствующие вопросы». Абсолютно все.

И главная проблема заключалась в том, что достаточно обеспеченному Лютополку до ужаса нравилось дело, которым он занимался.

– Ладно, Ашрав, давай не будем забегать вперёд, – устало попросил люд, выдержав очередную, длиной в три минуты, не меньше, тираду собеседника. – Я ещё раз переговорю с Лютым, и тогда решим, что делать.

– А если он не согласится?

– Тогда и решим...

– Почему не иметь решение заранее?

– Потому что Лютый – мой друг. Старый и верный, вот почему. – Святомир отключил телефон и перевёл взгляд на Велену, которая скучающе изучала стразы на ногтях, скромно мечтая разорвать любовника на части и скормить крокодилам. – Привет.

– Привет.

– Едем обедать?

– Ага.

– Хорошо.

Свят видел, что подруга зла, но плевать хотел на её чувства, поскольку, на взгляд люда, у ведьмы всё было в порядке: она имела возможность бродить по магазинам столько, сколько вздумается, сидеть в салонах красоты столько, сколько желается, и вообще, проводить свободное время по своему усмотрению, не ограничивая себя в деньгах.

Ну а что злитесь... Так то нормально – свойство пола.

– Как дела?

– Мы не виделись меньше трёх часов, – буркнула в ответ колдунья.

– Мало ли что могло случиться.

– Здесь ничего не случается.

– Тоже правда...

Выбирая город для «ссылки», Святомир ориентировался на его близость к Москве, а сейчас вдруг подумал, что следовало бы отправиться туда, где веселее...

– У моей сиротки-маникюрши наркоманы убили бабу и сожгли дом, – зло сверкнув глазами, отозвалась Велена. – Захватываяще, правда? Ну, какие тут могут быть новости, Святик?! Вор у вора опорки украл!

Люд рассмеялся:

– Опорки?! Ты серьёзно? Велла, ты скоро станешь совсем как местная. Каких-то три часа от столицы – и ты уже говоришь об опорках. Может, купим тебе павловопосадский платок, детка? И лукошко?

Велена поджала губы, а её щеки стали пунцовыми от гнева и смущения.

– К твоему сведению, я даже не знаю, что такое опорки.

– Вот поэтому, моя дорогая, ты делаешь шоколадные обёртывания и маски, а я – бизнес.

Велена фыркнула.

* * *

Дама, Лилиана Сергеевна, владелица мехового салона, оказалась щедрее столичной «подружки», да ещё сразу, чтоб не мучить телефон, записалась на маникюр через неделю. Предложила подвезти Настю и парикмахершу Нину до центра, но Настя отказалась – не хотелось, чтобы в салоне знали о том, что она будет ночевать в больнице.

Попрощавшись, девушка зашагала по улице в сторону остановки автобуса. В темнеющих за сквером высотках начали зажигаться окна. Прохладный ветер прошумел по листве, а затем дунул холодом за ворот ветровки, заставив Настю поёжиться... И обратить внимание на синюю «Мазду», что медленно вырулила из-за поворота. На мгновение девушке показалось, что водитель смотрит на неё, однако машина проехала мимо.

«Уф-ф!»

После смерти бабушки Настя стала бояться всего: теней в тёмных переулках, визга тормозов, громких фраз... В тот страшный день она пришла с работы, увидела пожарище на месте дома и перепугалась. И не могла оправиться даже месяц спустя.

Следователь, фамилию которого она никак не могла запомнить, то ли Котов, то ли Карпов, был уверен, что бабушку убили. Сказал, что кто-то выбил дверь, перерезал бабушке горло, всё обыскал, а затем поджёг дом, чтобы скрыть следы преступления. Ещё следователь считал, что преступник по неосторожности оказался в огненной ловушке и, не сумев добраться до двери, сгорел вместе с домом и жертвой.

И Настя с Кириллом остались совсем одни...

За спиной послышались шаги, и девушка, стыдясь своего страха, но не в силах ему противиться, прибавила так, что почти побежала вдоль дома. Нырнула в подворотню, знакомой короткой дорогой пересекла двор и протиснулась в щель между гаражами.

Выйдя на параллельную улицу, перевела дух, достала телефон и набрала почти забытый номер.

– Игнат? Это Настя. Нужно поговорить... Кириллу становится хуже... Ему нужны лекарства и... Что? Как ты можешь так говорить?! – Девушка знала, что бывший будет равнодушен, но не ожидала откровенной грубости. – Кириллу срочно требуется лечение, и мне нужны деньги... Что? – Настя закусила губу, но нашла силы продолжить: – Он же твой сын! Игнат!

Но «абонент» уже отключился.

– Мерзавец! – Настя в раздражении взмахнула рукой с зажатым в ней телефоном. – Гад!

В одном Велена была права: нужно что-то придумывать. Зря она понадеялась, что Игнат поможет сыну, зря. Он ведь бросил Настю, зная о беременности, не хотел Кирилла и даже говорил, что ребёнок не от него... Как Настя могла поверить, что в Климове вдруг проснутся чувства? Как могла поверить, что для неё есть чудо? Где было это чудо, когда умирала мама? Когда убили бабушку? Когда заболел Кирилл?

Настя всхлипнула, впервые за долгое время позволив слезам выкатиться из глаз.

Она совсем одна! И она НЕ справится!

Велене хорошо говорить: «Не живи в прошлом. Смотри в будущее». А что в этом будущем? Если она не найдёт деньги, Кирилл... Врачи обещают ему полгода, максимум год. Если

сделать операцию – можно выиграть пару лет. Пару лет больниц, изматывающих процедур, химиотерапии... Годы долгов. Жизнь в кредит, смерть в кредит...

– Анастасия Николаевна Энгель? – Молодой мужчина появился из темноты так внезапно, что Настя резко остановилась и попятилась, выставив перед собой сумку.

– Владислав Лисин. Капитан Лисин. – Настя кивнула, показывая, что услышала. – Вы – внучка Софии Энгель?

Ещё один кивок.

– А я...

– Вы... – девушка перебила его, но фразу закончить не смогла. Откашлялась и продолжила: – Вы от капитана Котова? То есть Карпова... Есть что-то новое по делу бабушки?

Теперь Лисин показался удивлённым.

– По какому делу?

– Бабушки...

– Да, у меня есть несколько вопросов о вашей бабушке, – кивнул Лисин. – Скажите, вы не замечали...

– Бабушка умерла, – буркнула Настя, отступая.

Она уже поняла, что если перед ней и полицейский – а манера держаться у Владислава была весьма характерной, – то не от Карпова. Или Котова. А по другому делу.

– Может, вы согласитесь проехать с нами?

Из-за угла показалась синяя «Мазда». Девушка не запомнила номер, но была уверена, что не ошиблась и перед ней та же самая машина. Назвавшийся Лисиным мужчина махнул водителю, отвернулся всего на секунду, но этого хватило, чтобы Настя метнулась в сторону и бросилась бежать, спасаясь через закоулки и тьму соседних дворов. Лисин эту часть города явно не знал, и девушке удалось выиграть несколько минут, которых едва хватило, чтобы незаметно протиснуться между стеной кирпичного дома и покосившимся забором и там замереть, закусив губу и чувствуя, как сильно колотится сердце.

– Анастасия Николаевна! – негромко позвал мужчина. То ли капитан, то ли не пойми кто. – Ну что за прятки? Обещаю: мы не сделаем вам ничего плохого.

Настя затаила дыхание. Туфли-лодочки скользили по прелым листьям, голова у девушки кружилась от страха: её едва не похитили.

Лисин позвал ещё раз или два, а потом развернулся и пошёл к машине. «Мазда» просигналила кому-то, вывернув из арки, и выехала на улицу. Должно быть, неудачливые похитители надеялись перехватить её по дороге... Настя всегда ходила домой одной и той же дорогой, и теперь горько пожалела об этом.

«Скорее всего меня будут ждать у дома...»

Не у старого, конечно, сгоревшего, а нынешнего, в котором она арендовала комнату в «малосемейке»... Ещё радовалась, что сумела снять недорогое жильё рядом с салоном...

Но следующая мысль резанула острым клинком:

«Кирилл!»

Вдруг Лисин знает, где он, и едет в больницу? Вдруг он будет ждать у палаты? Или возьмёт мальчика в заложники?

Насмерть перепугав себя жуткими предположениями, Настя рванула к ближайшей остановке, едва не впала в истерику, трясаясь в автобусе, а потом обошла больницу по периметру, но синей «Мазды» не обнаружила. Равно как высокой фигуры Лисина. Из предосторожности Настя прошмыгнула в корпус с чёрного хода – медсёстры, кутившие на крылечке, её знали, поэтому пропустили без вопросов, – и поднялась на нужный этаж пешком.

На лестнице привычно пахло щами, табаком и хлоркой. На тёмно-зелёной стене кто-то вывел испачканным в извёстке пальцем бодрое пожелание: «Держись!», и три последние буквы споткнувшаяся Настя смазала плечом ветровки.

Но не заметила, что испачкалась, не остановилась, чтобы привести себя в порядок, продолжила бег наверх.

К счастью, у палаты оказалось пусто.

«Слава богу!»

От сердца отлегло. Девушка зашла в уборную, умылась, успокоилась, затем взяла у дежурной сестры – тоже знакомой – белый халат и с улыбкой вошла в палату. Улыбающийся Кирилл протянул навстречу облепленные пластырем руки – тот предохранял катетер. Настя присела на край кровати и прижала сына к себе.

Ради этого стоило жить.

А значит, нужно что-то придумывать. Что угодно!

Побыв в палате минут двадцать – Кирилл сказал, что хочет подремать, – молодая женщина вышла в коридор и набрала номер следователя. Гудки сверлили тяжёлую от слёз и нервов голову. Наконец, в трубке раздался отголосок далёкой матерной тирады, потом замученный голос капитана: «Карпов. Да. Узнал. Да, помню. Слушаю вас, Анастасия Николаевна».

И его глухой голос напрочь отбил желание рассказывать о попытке похищения. Да и что сможет сделать капитан? Приставит к ней участкового?

Настя невесело усмехнулась, представив себе эту картину.

– Иван Сергеевич...

– Семёнович, – машинально поправил Карпов.

– Извините.

– Я привык.

– Понятно... – Видимо, люди частенько путались при общении с полицейскими. – Не могу ли я забрать вещи, оставшиеся от бабушки? Ведь вы закрываете дело и...

– Извините, пока нет, Анастасия, никаких вещей... – Его речь оборвала долетевшая издали брань, проклятия. Хлопок. – Извините, не время, – буркнул капитан и нажал «отбой».

Настя вернулась в палату, опустилась на клеённую кушетку у кровати и почти уже прилегла, машинально собравшись отключиться до утра, как телефон ожил снова.

Бодрая мелодия заметалась в полутёмных углах палаты, Кирилл заворочался, и Настя вновь выскочила в коридор и там нажала кнопку:

– Алло, я не могу говорить, перезвоните...

– Настенька, – оглушительно скрипучим шёпотом проревел ей в ухо телефон, – да я на минуточку только. Это соседка ваша, бывшая соседка, горе-то какое, Настя. Тётя Лида это. Из третьего дома. Что ж ты не сказала нам, что с Кирюшей такое приключилось? Что в больнице он? Не чужие ведь... И София, упокой Господи её душу... Ты не заскочишь ко мне завтра?

– Завтра? Не знаю... – протянула девушка, судорожно пытаясь придумать, как вежливо отвязаться от назойливой заботы пожилой соседки.

Тётя Лида была из тех, кто считает, что любая беда – не беда, «ежели хорошо кушать». Даже раньше, когда бабушка ещё была жива, соседка частенько зазывала Настю к себе, выносила на крыльцо полотняную сумку с картошкой, свёклой, морковью – «у вас ведь огорода-то и нет, что такое две грядки, да и те с травой», – или с пирожками, у неё получались великолепные пирожки... Настя принимала подарки безропотно – на улице Дедушкиной, почитай, как в деревне, все друг друга знали и обид не прощали, а отказаться от еды или овощей, предложенных от чистого сердца, означало нанести страшную обиду.

Видимо, и теперь тётке Лиде некуда девать излишки урожая.

– Тётя Лида, я... – пробормотала Настя, прикрывая телефон ладонью, – мне сейчас нужно много работать. Кирилл в больнице и...

– Так вот я и звоню, Настенька, – затараторила соседка. – Мы тут на улице собрали тебе немного денег. На ноги хоть чуток встать, дорогая. Ведь не чужие. Я ведь совсем малышкой тебя помню. И тётя Катя...

– Хорошо, я заеду. Утром около восьми не рано будет?

– Старики рано встают, – завела тётя Лида. – Бабушка твоя, Софья Васильевна, всегда раненько вставала...

– Значит, завтра к восьми я подъеду, – не очень вежливо перебила старушку девушка, у которой появилась новая проблема.

Полненькая медсестра, грозная, как предводительница викингов, вышла с поста и грозно посмотрела на нарушительницу больничных порядков.

– По телефону трепаться на улицу идите. А ещё лучше – домой. Раз своему ребёнку не хотите дать поспать, то другим не мешайте.

– Извините.

– Что?

Настя показала отключённый телефон:

– Больше не повторится.

И вздрогнула, увидев, как в стеклянной двери ближайшей палаты отразились двое мужчин: Лисин и здоровяк средних лет, видимо, водитель «Мазды».

К счастью, сейчас они стояли довольно далеко от собеседниц и спиной к ним, поэтому у Насти нашлось время пискнуть:

– Я не хочу их видеть!

И нырнуть в палату.

А через несколько секунд она услышала мягкие шаги, и знакомый мужской голос произнёс:

– Добрый вечер, мы...

Однако договорить Лисин не успел.

– Кто пустил? – грозно поинтересовалась медсестра, оказавшаяся не только понятливой, но и просто хорошей женщиной. – Часы посещения с четырёх до шести. А сейчас уже одиннадцать! Дети спят! По какому праву входите в отделение?

Медсестра сделала шаг вперёд.

– Спокойно, девушка, полиция. – Лисин продемонстрировал жетон, однако особого эффекта не добился. – Нас интересуется...

– Собираетесь перебудить больных детей?

– Чёрт...

– Вы понимаете, что я сейчас же позвоню в вашу службу собственной безопасности...

– Да не надо куда звонить! – Судя по всему, Лисин сдался, поскольку эту фразу он произнёс не в голос, а громким шёпотом: – И не собираюсь я никого будить.

– Тогда утром приходите.

– Дело важное.

– Какое? Вы понимаете, что у меня тут больные дети?

– Чёрт...

– Да всё я понимаю.

«Ага, чертыхается не Лисин, а его напарник».

– Ответьте на вопрос, и мы уйдём.

– На какой вопрос?

– У вас есть ребёнок по фамилии Энгель?

– Энгельс? А Маркса вам не поискать?

– Не надо острить, – буркнул Лисин. Но шёпотом, шёпотом. – Я ведь не просто так появился среди ночи. Мне нужно знать, есть ли в отделении ребёнок по фамилии Энгель?

– Я Энгельсов не помню, – помолчав, ответила медсестра. – Но вон температурные листы на стене, ищите сами. Там указаны фамилии всех детей.

– Спасибо.

– Обращайтесь.

И Настя мысленно похвалила себя за предусмотрительность: в своё время она настояла, чтобы Игнат дал ребёнку свою фамилию – Климов. Уверяла, что делает это, чтобы Кирилл не чувствовал себя брошенным, но лукавила: причиной настойчивости стали жуткие воспоминания о школе, где она одиннадцать лет проучилась с кличкой Фридрих, каждое утро входя в класс под окрики: «Энгельс, ты зачем бороду сбрил, дурик?», «Где Карла потеряла?», «Дай «Капитал» почитать» и прочие образчики детского «юмора».

У неё не было отца, который пришёл бы в школу, чтобы серьёзно поговорить с хулиганами, вот и приходилось терпеть. И у Кирилла отца нет, так пусть хоть фамилия будет обычная.

В общем, она настаивала, а Игнат так хотел отделаться от беременной подружки, что пошёл на это требование. Но только на это: денег он ни Насте, ни Кириллу давать не собирался.

– Здесь перечислены все дети? – уточнил Лисин, закончив изучение температурных листов.

– Абсолютно, – подтвердила медсестра.

Настя припала к замочной скважине и сразу увидела высокую фигуру фальшивого опера.

«Почему красивые мужики обязательно мерзавцы?» – всплыл в памяти печальный голос полной клиентки, жаловавшейся на молодого любовника.

Днём эта фраза вызвала у Насти улыбку, но теперь она была готова согласиться с золотозубой толстушкой: Лисин оказался самым симпатичным из всех, кого девушка встречала до сих пор. Ей даже не верилось, что такой представительный мужчина выбрал скромную профессию полицейского.

Или бандита.

В любом случае встречаться с Лисиним Насте совершенно не хотелось.

– Спасибо тебе, Климов, – прошептала девушка, глядя, как опер, или не-опер, уныло перечитывает температурные листы.

И едва не хихикнула, услышав печальное:

– Вы точно уверены, что в отделении нет ребёнка по фамилии Энгель?

Ответ прозвучал невнятно и, судя по всему, Лисина не удовлетворил.

– С кем из детей лежат матери?

Настя затаила дыхание.

– В палатах номер шесть, десять и одиннадцать. Ещё в две палаты приходят и иногда на ночь остаются.

– Васильев, посмотри.

Кирилл заворочался во сне, и одеяло почти сползло на пол. Поправлять его времени не было: Настя нырнула под кровать и сжалась в комок, стараясь не дышать.

Дверь приоткрылась.

– Здесь только ребёнок, – послышался голос медсестры. – Я ведь назвала номера палат.

– Чёрт...

– Закройте дверь немедленно!

– Чёрт, – повторил Васильев, но дверь закрыл.

Настя уронила голову на руки, не в силах заставить себя выбраться из-под кровати.

Где-то вдалеке скрипнула дверь, кажется, входная в отделение. Затем в палату заглянула медсестра, прошептала: «Ушли», потом она окончательно погасила свет в коридоре, оставив только настольную лампу на посту... А Настя всё не двигалась.

На смену страху, что гнал её во дворы, давал силы и время спрятаться, пришёл другой, парализующий: прятаться бессмысленно, скрыться некуда. Дом сгорел. В больнице её отыскали. Завтра они выяснят, что Кирилл – её сын, и встреча с Лисиним станет неминуемой.

«Стоп, – попыталась уговорить себя Настя. – Без паники! Почему я решила, что Лисина надо бояться? Я запаниковала, но ведь это не значит, что Лисин – преступник. Может, он

действительно полицейский... Но почему расследовать убийство бабушки отправили ещё одну группу?»

При мысли о бабушке на глаза навернулись слёзы. Уроды, вломившиеся в дом, лишили Настю всего – даже возможности попрощаться с единственным человеком, которому было дело до «этой девчонки Энгель». В морге ей показали обугленный череп и оплавленный кулон, спросили, не узнаёт ли внучка в куске чёрной от копоти кости женщину, которая её воспитала. Настя узнала – по сколовшейся коронке на одном из зубов. Бабушка жаловалась, что скол царапает губу, и Настя надеялась накопить к Новому году на хорошего стоматолога.

«Мне бабушка была дорога, но кто ещё может ею интересоваться?»

Вопрос пугающий, особенно если уточнить, что баба Соня считалась колдуньей. Не Владимирской Малефисентой, конечно, но «ведьмой с репутацией». Сама Настя относилась к этой «славе» с юмором, в магию не верила, но вот Игнат, например, слегка «двинутый» на эзотерике и тайнах мира, долго пытался вывести у «ведьмы Энгель» «секреты мастерства» и бросил Настю, не получив то, на что крепко рассчитывал.

«А вдруг Лисин такой же? Верит, что баба Соня была ведьмой, и пытается отыскать колдовское наследство? Не понимая, что, будь бабушка колдуньей, предвидела бы и нападение, и пожар и наверняка сумела бы защитить себя какими-нибудь чарами. Но бабушка погибла, тем самым доказав самым твердолобым любителям шоу экстрасенсов, что никакой ведьмой не была...»

Магия – ложь.

Колдовство – вымысел.

А вот диагноз Кирилла – это страшная правда, с которой надо что-то делать.

«Чувствуешь, что вот-вот упадёшь, – спланируй!» – говорила бабушка.

И Настя с малых лет научилась делать это лучше всего. Планировать. Как планируют белки-летяги, птицы, летучие мыши: проанализировать ветер, расправить крылья или перепонки – и полететь. В её случае – использовать негативные стороны ситуации для того, чтобы выбраться из неё, не затратив лишних сил.

Девушка присела на край кровати, достала телефон, открыла раздел заметок и начала набрасывать «дано».

* * *

Недалеко от дома – от стильно обставленной квартиры, которую они сняли в самом центре Владимира, неподалёку от Золотых ворот, – Святик отыскал вполне приличный ресторанчик, в который они и отправились ужинать. Креветки и белое вино для неё, мясо для спутника, тихий разговор, спокойная атмосфера... И жизнь снова стала налаживаться.

На небольшой сцене, наполовину скрытой тяжёлой портьерой, на высоком табурете сидел сухопарый гитарист, длинными пальцами перебиравший блестящие серебром струны. Задумчивая мелодия мягко вилась между столиками, а приглушённый свет раскрашивал вино золотыми искрами.

Ужин получился отличным.

– Рад, что у тебя снова всё хорошо, – усмехнулся Святомир, после чего сделал большой глоток красного вина. – Я уж думал, придётся дарить то кольцо с изумрудом.

– То есть я поторопилась? – улыбнулась ведьма.

– Я думал, но не решил.

– Если долго думать, всё может измениться.

– Всё – это что?

– Всё – это то, что тебя окружает, – объяснила Велена. – Или часть этого. Какая-то часть...

– И эта часть захочет от меня уйти?

– Или измениться...

Люд сделал ещё глоток и усмехнулся.

Он искренне считал, что полностью всё контролирует.

На самом деле Святомир был не таким уж мужланом, какими обычно описывают и считают белокрысы выходцев из Зелёного Дома. Хорошее образование, цепкая память и аналитический склад ума делали его интересным собеседником, при этом он был достаточно воспитан и хорош физически. Девяносто – для люда не возраст, а самый расцвет зрелости, так что Велена не жаловалась... И не стеснялась выходить в свет, потому что с виду Святомиру можно было дать не больше пятидесяти, а то и сорока пяти. Две едва заметные морщины пересекали высокий лоб, залегла складка между бровей, но внешности люда это не портило. Скорее, добавляло благородства. Он носил длинные волосы, в которых уже начала появляться серебристая седина, и обычно перехватывал их вычурной заколкой с тонкой острой шпилькой...

Велена хорошо помнила, как на их втором свидании Свят вонзил эту шпильку в глаз официанту, принёсшему отравленные напитки. А потом стоял над трупом, стирая салфеткой кровь с тыльной стороны ладони, а кóнец, владелец заведения, суеился, заверяя, что такое больше не повторится, охрана, пропустившая «фальшивого» официанта, уже наказана, и тот, кто позволил себе такую «глупость», тоже вскоре будет наказан. Хозяин так сверкал глазками, делая особенный акцент на этом «наказан», что Велена не усомнилась – процесс исполнения наказания будет долгим и поучительным. Сами кóнцы – существа мирные, но за репутацией своих заведений следят строго и знают, к кому обратиться в случае необходимости.

Святомир небрежно ответил, что сам заплатит за ужин – во всех смыслах, – кóнец предложил бесплатный «царский стол» в качестве компенсации, и на этом недоразумение было улажено. А через пару дней один из недругов Свята разбился за рулём своей дорогой спортивной машины, но об этом Велена узнала лишь спустя месяц...

А в тот момент она просто смотрела на стоявшего над мертвецом люда – спокойного, невозмутимого, уверенного в себе, – смотрела с восхищением. Именно тогда Велена поняла, что рядом с таким мужчиной она сама станет львицей. И почти не просчиталась... Почти, потому что всего через три года их знакомства люду пришлось уехать из Тайного Города.

А здесь, вдали от столичных интриг, оставалось лишь умирать от скуки и тосковать... Или позволить себе наслаждаться салонами, магазинами и вниманием своего мужчины, который стал находить всё больше приятного в её обществе.

Велена позволила туфельке соскользнуть на пол и легко, дразня, погладила кавалера пальцами ноги. Люд улыбнулся, опустил правую руку под стол и мягко, с очевидным обещанием, прикоснулся к Велене в ответ. Ведьма чуть раздула ноздри.

– Уезжаем?

– Скоро...

Оба понимали, что ужин окончен. От него осталась лишь томительная пауза, делающая десерт слаще.

Сейчас люд попросит счёт, и...

– Что он здесь делает? – едва слышно прорычал Свят.

Едва слышно, но именно прорычал: ему не понравилось то, что он увидел.

Ведьма открыла глаза:

– Кто?

– Ты его не знаешь.

Велена обернулась и быстро оглядела зал. Пожилая пара за столиком у окна, едят молча, видимо, наговорились за долгую жизнь. Компания в углу: три девушки с тремя кавалерами, смеются громко, но не настолько, чтобы привлекать внимание или вызывать раздражение. Высокий мужчина – ведьма отметила, что довольно симпатичный, – остановился в проходе.

Справа от него метрдотель с меню в руках. Видимо, мужчина зашёл поужинать, собрался выбрать столик, но что-то его остановило. Точнее – кто-то: присутствие Святомира.

– Чтоб тебя! – выругался люд.

– Ты его знаешь?

Вместо ответа антиквар вытащил из-под стола руку, и Велена принялась нащупывать сброшенную туфельку.

– Ты его знаешь?

– Помолчи пока.

– Свят!

– Это старая история, – сквозь зубы ответил люд, – потом.

Ему был неприятен чел, но именно неприятен – люд его не боялся.

– Он выглядит слишком молодым для старых историй, – заметила ведьма, наконец-то нащупавшая туфлю.

– Из ранних.

– А-а...

Опасности не чувствовалось, только неприязнь, поэтому Велена вилкой подцепила с тарелки последнюю креветку, съела её и запила вином.

А челу надоело играть в «гляделки». Он что-то сказал метрдотелю, судя по всему – отказался от ужина, и медленно подошёл к столику парочки.

– Вот уж не думал, не гадал.

– Не ври, Лисин, ты знал, что я в городе, – резковато отозвался люд.

– В городе, но не в этом ресторане.

– Здесь хорошая кухня.

– Мне рекомендовали.

– Завтра оценишь.

– Почему вы решили, что я уйду?

– У тебя от меня делается изжога.

– Похоже, это взаимно.

Велена едва сдержала улыбку. Знала, что Свят озверееет, и приложила все силы, чтобы сдержать её.

– Что ты забыл во Владимире?

– Прибыл по долгу службы.

Ответ вызвал у Святомира понимание.

– Здесь вроде бы тихо? – прищурился люд.

– Поэтому вы сюда переехали?

– Переехал, чтобы изменить легенду. Рассказать тебе, сколько я живу?

– Бабабы, говорят, до тысячи лет дотягивают. Но не хвастают этим.

Велена отвернулась и закусила губу. Люд тяжело засопел.

– Когда уезжаешь?

– Не раньше, чем соберусь.

– Не попадайся больше на глаза.

– Если увидите меня, зажмурьтесь.

– Не хами.

– Всего доброго.

Чел улыбнулся, отвесил полушутливый поклон и вышел из зала. Велена же повернулась к спутнику и чуть приподняла брови, показывая, что не прочь услышать подробности. Почему странный чел так себя вёл, а главное – почему Свят позволил ему хамить.

И первая же фраза дала ответ на оба вопроса.

– Служба утилизации, – неохотно пробормотал люд, сделав большой глоток вина.

Дальше мог не продолжать.

Эта организация отвечала за соблюдение жителями Тайного Города режима секретности и занималась сокрытием от человеческих глаз магических проявлений, как случайных, так и преступных. Служили в ней представители всех рас, и в том числе челы, подчиняться которым людям было особенно неприятно: ведь официально представители ныне господствующей на Земле расы считались их вассалами...

В общем, всё было запутано.

Однако через секунду выяснилось, что Свят недолюбливал Лисина по другой причине.

– Несколько лет назад он вскрыл одну неприятную для нас историю... Лютополк тогда переборщил, повёл себя необдуманно, и Лисин нас крепко прижал. Но всё в прошлом...

– То есть ты не думаешь, что он приехал сюда за тобой?

– Нет, конечно, я чист. – Люд допил вино. – Но мне действительно интересно, что он тут забыл?

– Кто-то из магов наследил?

– Кто-то из магов очень сильно наследил, – уточнил Святомир, сделав акцент на слове «очень». – Служба утилизации не часто посылает агентов за пределы Тайного Города.

* * *

Из открытого окна доносились голоса, точнее, один голос, зычный и глубокий, перекрывающий даже вой радиоприёмника: тётя Лида отчитывала похмельного внучатого племянника, за полночь явившегося ночевать к бабке, чтоб не прибили родители. Тётя Лида возмущалась, племянник невнятно отругивался, и спокойствие сохранял лишь полуперс Сёма, лениво развалившийся на подоконнике. Но в конце концов и он не выдержал воплей, спрыгнул в цветник и, безжалостно раздвигая астры, полез на соседский участок, посреди которого виднелись чёрные руины. Настя слышала, как он фыркает, пролезая между обгорелыми балками.

– Вот рожа обормотская! – объявила высунувшаяся в окно тётя Лида.

– Кто? – улыбнулась Настя, которая как раз прошла через калитку и была в трёх шагах от крыльца.

– Да Сёма, будь он неладен! Что ни день, лазит к вам, а потом все половики в саже.

– Извините.

– Да уж...

Соседка осеклась, а потом захлопотала и потащила Настю в дом – пить чай. Однако из окон гостиной открылась ещё более безрадостная картина: заросший золотыми шарами и мальвами забор, за которым чернел обвалившийся остов родного дома Насти. На самой вершине которого восседал Сёма. Заметив Настю, он тоскливо мяукнул и принялся топтаться, точа когти. Видно было, как сыплются вниз крошки угля.

– И не знаю, что он к вам всё лазит, – пробормотала сокрушённо соседка. – Кормила его, что ль, бабка Софья-то?

Настя кивнула, сдерживая слёзы.

Кормила. Бабушка кормила всех кошек на улице, а Сёма, ненасытный пушистый Сёма, приходил к ним каждое утро, пока у соседей ещё спали, а бабушка уже готовила на кухне кашу – на четверых: себе, внучке, правнуку и коту. Видимо, котяра сильно скучал по соседской каше, раз повадился лазить на пепелище.

– Мы с девочками собрали тебе чуток денежек. – Соседка положила на стол пёстрый потёртый конверт с бабочками и надписью: «С юбилеем, дорогая Лидия Карповна!»

– Это мне в прошлом году семьдесят гуляли. Хотела другой конверт купить, да что-то забегалась. Потом думаю: надо ли, ведь не праздник. Главное ведь не конверт, а то, что внутри.

Она с улыбкой смотрела на Настю, и та поняла, что обязана при дарительнице заглянуть внутрь. Заглянула, благодарно улыбнулась. Подарок был не велик, но, зная, на какие пенсии живут соседки, Настя расчувствовалась. Обняла сияющую от удовольствия тётю Лиду, разрыдалась и, напавшая в кармане платок, выбежала на улицу, пробормотав, что опаздывает на работу.

Но, проходя мимо сгоревшего дома, замедлила шаг. В открытую калитку видно было всё как на ладони: и закопчённые стены, и прогоревшую крышу, и пушистого полуперса, сидящего на самой высокой балке с видом царя горы.

– Сёма, – позвала Настя. – Сёма, кис-кис!

Кот мяукнул, но спуститься не пожелал.

«А может, он слезть не может, боится?» – подумала девушка.

Вошла в ворота, затем, помедлив, ступила на пожарище, оказавшись примерно в гостиной, и протянула ладони вверх, чтобы кот мог прыгнуть ей на руки.

Сёма же сначала потоптался на балке, осыпая девушку пеплом и крошками гари, а потом – с грацией, доступной лишь кошкам, даже таким откормленным, – прыгнул на другую балку, с неё – на край осыпавшейся стены и нырнул между досками. Настя машинально шагнула следом и едва не запнулась за тускло блестящую ручку с кольцом. Кот, мгновение назад скрывшийся под обломками, мяукал откуда-то снизу.

«Ручка? Откуда?»

У бабушки был подпол, однако вход в него находился в другом месте, на кухне, и та ручка выглядела не так презентабельно, как эта.

«Странно, что она не испачкалась и не обгорела...»

Кот снова мяукнул. Ручка призывно торчала из небольшой груды обгоревших деревяшек. Настя сглотнула, не решаясь сделать следующий шаг... Но уже через несколько секунд поняла, что выглядит глупо: это был дом бабушки, у которой могли быть секреты от внучки. И сейчас пришло время вступить в законное владение этими самыми секретами.

Настя с усилием потянула за кольцо и, к своему удивлению, сумела поднять деревянную крышку в полу. Что-то поехало, с шумом обрушилось, подняв облако сажи, открылся маленький подпол, и Настя увидела вездесущего кота, сидящего рядом с небольшим сундучком.

– Клад?!

И Сёма, как показалось удивлённой девушке, одобрительно подмигнул ей, подтверждая: «Клад, клад! Хватай, пока дают». И показался разумным. Именно разумным...

– Ох...

Сундучок оказался старинным, деревянным, отделанным медью. Из скважины призывно торчал ключ, который Настя тут же повернула и откинула крышку.

И увидела лежащую на бордовом бархате книгу. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что это не просто рассыпающаяся от старости книжица, а настоящая драгоценность. Книгу не украшали ни камешки, ни орнамент, кожа обложки была толстой и грубой, а бумага на обрезе – жёлтой. Девушка осторожно взяла раритет в руки, медленно раскрыла и прочитала сделанную перьевой ручкой надпись: «Дневник сей являет собой собственность Михаила Николаевича Морозова». Буквы были выписаны с изяществом и ноткой самолюбования, со всеми ерами и ятями. Первая запись датировалась 1917 годом. Первого февраля автор праздновал полгода своего заточения в камере какой-то крепости. Зачитавшись, молодая женщина запоем проглотила первые страницы дневника, и потому не сразу услышала громкий голос соседки:

– Настенька!

А услышав, сунула книгу в сумочку, мягко, бесшумно закрыла люк и поднялась.

– Настя! Ты где? Неужто провалилась? – Около остатков дома стояла тётя Лида. – Настя!

– Я здесь!

– Слава Богу. А я гляжу в окно – ты к дому пошла, а потом посмотрела, уж и нету. И на дороге никого, только Сёмка, дурак лохматый, по углям скачет и блажит. У, морда толстая, чтоб тебя! – напустилась она на кота. – Все беды из-за тебя. Полезла девчонка тебя снимать и провалилась.

Настя заверила соседку, что цела, ещё раз поблагодарила за помощь и беспокойство, погладила кота и вышла на улицу.

И никто из присутствующих, включая кота, не заметил стоящего у забора мужчину: невзрачного и серого, заурядного, как мешок с удобрениями, по виду – типичного мелкого клерка. Лицо его было из разряда тех, которые не вспоминаются уже через минуту после прощания: смазанные черты, выпцветшие глаза, мышинного цвета волосы, причёсанные на пробор.

Проводив уходящую девушку взглядом, мужчина удовлетворённо улыбнулся, достал из кармана телефон и, легко порхая пальцами по дисплею, набрал СМС: «Посылка доставлена». После чего, всё ещё держа телефон в левой руке, сделал странный знак свободной ладонью – и кот, до этого напряжённо следивший за хозяйкой и девушкой, потрусил в сторону своего дома. Замеченное Настей выражение, почти человеческое, исчезло из его глаз, и теперь полуперс ничем не отличался от кошачьих сородичей.

Сёма вернулся на подоконник, уже прогретый солнцем, и завалился на спину, подставив лучам мягкое персиковое пузо.

* * *

Утренний луч скользил по заросшей травой старинной кладке. Его свет маслом сочился в трещины, но отступал, наталкиваясь на незримое препятствие. Только в этот час, случись кому-то из туристов оказаться в нужном месте, счастливчик увидел бы... нет, не башню, а лёгкий, смутный образ её, едва уловимый флёр в окрашенном золотистым светом утра воздухе. Долю секунды древняя башня казалась совсем реальной, а ещё реальнее – её дрожащее в воде отражение. Но мгновение – и видение рассеивалось. И пораждённому, щиплющему себя за бедро путешественнику оставалось лишь тереть глаза – перед ним снова лежали остатки крепостных сооружений да поблёскивающее зеркало реки.

Но даже видение это дано было увидеть немногим, и только в день летнего солнцестояния – крепость ревностно хранила свои секреты.

Таинственный фантом был тенью прошлого, отражённой в зеркальной водной глади, поскольку истинные тайны боятся солнечных лучей. Их место во тьме, в глубинах, которых не достичь корням однолетних трав, чей легкомысленный век слишком краток. Только отрёкшиеся от солнца черви, слепые повелители подземных тоннелей, способны познать древние тайны.

Черви, кроты... Древние старцы крепости были такими же слепыми, как эти существа. В свете факелов их бледные лица казались посмертными масками, гипсовыми слепками с лиц тех, кем они некогда были. Их глаза, выбеленные чёрными перстами тьмы, были неподвижны, а сухие пальцы медленно перебирали янтарные чётки. Никто уже не помнил, кто из них вышел победителем в схватке со временем, а кто проиграл – тёмный лабиринт уравнил всех, сделав хищными человеческими червями, охраняющими не человеческую, а чью-то другую, жадную и страшную тайну.

Тайну, которая дорогого стоит...

– Энгель! К тебе!

Настя с досадой отложила дневник, сунула книжку в сумочку, а сумочку – в нижний глубокий ящик стола. Столичная клиентка пришла раньше времени. Видимо, от скуки.

– Да, я жду...

Однако мысли девушки были далеки от маникюра: отвлёкшись от дневника, Настя стала перечислять в уме пункты плана, который составила вчера в больнице: собрать немного денег, перебраться в соседний областной центр, пока фальшивый капитан Лисин не выяснил, что Кирилл Климов – внук Софьи Энгель, и ещё...

После поездки на Дедушкину она успела заскочить домой, переоделась и быстро собрала в сумку самое нужное. Оставила ключи и кое-какие вещи студентке, снимавшей другую комнату в той же «малосемейке», и договорилась, что та пока подержит их у себя, перевела на карточку квартирной хозяйки плату за месяц и написала СМС, что со следующего месяца от квартиры отказывается. Чтобы сбить преследователей со следа, можно было бы оплатить и два месяца – но на такую конспирацию денег у Насти не было.

В автобусе она вновь, мучимая любопытством, открыла дневник – зачиталась и проехала свою остановку. Ругая себя за неорганизованность, выскочила на улицу и рванула обратно, к торговому центру, где находился салон. Но мысли продолжали вертеться вокруг невероятной книги, и потому, когда одна из клиенток отменила запись, Настя не отправилась в супермаркет за привычным обеденным йогуртом, а полезла в сумку за дневником. И снова нырнула в прошлое, где Михаил Морозов описывал первые месяцы своего заточения.

Несмотря на то, что в помещении было жарко, девушка чувствовала, как холодок пробегает по коже – словно она собственной рукой ощупывала ледяные камни тюремной камеры и пробовала на прочность толстые решётки. Чувства безнадёжности, страха и усталости от бессмысленной борьбы, мучившие Настю со смерти бабушки, благодаря книге обрели образ – сырая, погружённая в полумрак темница, мрачный каземат, в котором заперто, без надежды на освобождение, молодое, полное сил, планов и надежд живое существо, которому хочется лишь одного – чтобы судьба, наконец, сжалилась и отнеслась к нему по-человечески.

Отложив дневник, Настя продолжала думать о нём, да так увлеклась, что не сразу поняла, что парикмахерша Маша покашливает не от першения в горле, а чтобы привлечь её внимание к приходу клиентки. Велена расположилась в кресле, и опомнившаяся Настя с тоскливой завистью оглядела её очередной наряд: бежевая юбка, белоснежная блузка и скромная нитка кремового жемчуга на шее. И невероятно элегантная бежевая шляпа с широкими полями, которую молодая женщина небрежно бросила в соседнее кресло. Блузка, казавшаяся лепестком утреннего тумана, скрывала руки до середины ладони, пальчики защищали тончайшие бежевые перчатки. На правой руке поверх перчатки подмигивало россыпью бриллиантов колечко с крупной жемчужиной в центре.

– Надеюсь, у нас всё хорошо? – спросила Велена, неторопливо стягивая перчатку с левой руки. Сняла с правой колечко, положила возле лампы на столе Насти. Девушка, как заворожённая, смотрела на искры света, пробегавшие по белому золоту и бриллиантам.

«У вас, может быть, и всё хорошо, – ответил клиентке кто-то в душе Насти голосом заключённого Морозова. – Вы, дамочка, и представить себе не можете, как это, когда нет выхода».

Но Настя только улыбнулась и кивнула, проглотив покровительственное «у нас». Не в первый раз ей приходилось видеть в этом кресле дамочек, которым настолько нечем занять себя, что они дважды в неделю меняют рисунок на ногтях. Но чтобы каждый день?

– Я потеряла страз, – скривилась Велена, – поэтому, уж извини, придётся переделать.

Теперь Настя поняла, что перчатки были не только от солнца – дама не могла позволить кому-то увидеть ноготь, изуродованный следом от потерянной блёстки.

Настя искренне расстроилась. Она привыкла делать работу хорошо, её маникюр всегда отлично держался, и ни одна клиентка ни разу не жаловалась. Ни одна!

Велена постучала пальчиком по столику, привлекая внимание девушки.

– Я не сержусь, я не намерена требовать назад деньги. Просто исправь свою ошибку. Ведь нет ничего обидного в том, что я об этом прошу. Мы ведь подружки, дорогая, не так ли?

Настя снова кивнула, стараясь растянуть губы в вежливой улыбке. Она присмотрелась к ногтю – и поняла, что её работу испортили нарочно. Похоже, страз отковырнули маникюрными ножницами или чем-то вроде.

Мгновенно вспыхнувший гнев тотчас растаял, стоило ей посмотреть в глаза клиентке. Вчерашняя самонадеянность сменилась каким-то странным выражением, словно... столичная штучка и вправду нуждалась в подруге настолько, что решила предложить дружбу девушке из маникюрного салона. Она, конечно, могла сделать это из желания развлечь себя ссорой – но она не кричала, не бранилась. И в аквамариновых глазах не отражалось ничего, кроме печали.

Настя рассмеялась собственным мыслям: она, нищая сирота, впору в героини рождественских рассказов Диккенса, пожалела шикарно одетую даму, которая – о ужас! – почувствовала себя одинокой в «этой глухомани», что начинается сразу за МКАДом.

– Надеюсь, моя оплошность не испортила вам вечер? – спросила девушка, смягчившись. Настя, увы, совершенно не умела долго злиться. То, что Велена сама испортила ноготь, отчего-то показалось ей трогательным.

– О нет, совершенно. Вчера всё было великолепно. Святник нашёл замечательный ресторан: живая музыка, неплохое вино. По счастью, никакого сброда.

Настя поджала губы. Голубоглазая красавица больше не казалась ей несчастным одиноким котёнком. Богатенькая стерва – и больше ничего.

– А как ваш... малыш? – спросила Велена, почувствовав напряжение девушки. Видимо, она так и не сумела вспомнить, о ком вчера говорила маникюрша, – о сыне или дочери.

Насте захотелось вскочить, хлопнуть ладонями по столу и долго, витиевато, вспоминая все знакомые непристойные слова и придумывая свои, новые, поведать заносчивой гадине правду – о том, КАК на самом деле дела её сына и её собственные. Что в здешней больнице больше ничего не могут сделать, поэтому «может, имеет смысл освободить палату для детей, которым ещё можно помочь?». Что у неё нет денег даже на то, чтобы нанять сыну сиделку, которая понадобится через двое суток, когда закончатся бессмысленные процедуры и его придётся забрать из больницы. И куда забрать? В съёмную квартиру, которую ещё нужно найти? Ведь в прежнюю возвращаться нельзя – там караулит Лисин и его верный Васильев. Даже в больницу сегодня вечером придётся пробираться задворками, надеясь, что медсёстры снова выйдут покурить на чёрную лестницу и пустят её внутрь. Кириллу может помочь операция, но таких денег у неё нет, не было и не набралось бы, даже решишь они продать дом, – эта мысль сразу вспыхнула в голове, когда врач сообщил о диагнозе. Услышав его, Настя сначала сидела, будто обухом ударенная, а потом помчалась к бабушке – и обнаружила наряд полиции, перепуганных соседей и остывающее пожарище. Дома больше не было. И не было никого, на кого она могла бы хоть на секунду опереться и перевести дыхание.

Однако девушка ничего не сказала.

Ни одним движением не выдала, какая ярость клокочет внутри. Блёстка легла на ноготь, слой бесцветного лака скрыл царапину от маникюрных ножниц.

Элегантная фифа в костюмчике, стоимости которого хватило бы, чтобы нанять на пару месяцев сиделку или оплатить палату индивидуального пребывания, надеялась заставить нищенку-маникюршу чувствовать себя виноватой и обязанной! Использовать как бессловесную компаньонку, которая станет выслушивать рассказы о ресторанах, где никогда не была, и магазинах, в которые даже не заглядывает, чтобы не расстраиваться!

Её в который раз пытались использовать!

«Снова? – спросил в голове узник Морозов. – Тогда используй тех, кто пытается использовать тебя. Око за око».

– Ваш друг... – Настя замолчала, не зная, как найти правильные слова. – Он ведь ювелир? У меня есть несколько вещей, которые я хотела бы продать. Вы не могли бы попросить вашего друга подсказать мне, сколько я смогу выручить? И вообще... есть ли смысл всё это продавать?

Немного ошарашенная собственной смелостью, Настя достала из сумочки шкатулку с украшениями: пара колечек, золотая цепочка с подковкой, несколько пар серёг.

Велена, старательно изображая вежливое внимание, оглядела «богатство» и, обнажив в улыбке белоснежные зубки, покачала головой.

– Боюсь, Святика это не заинтересует. Он не ювелир, а антиквар. Его привлекает всякая рухлядь. Вот если бы ты предложила ему что-то, что принадлежало твоей бабушке или прабабушке. Может, она оставила тебе какой-нибудь кулон... или брошь? Или ещё что-нибудь?

Настя вздрогнула, когда Велена заговорила о бабушке. Вспомнился точёный профиль Владислава Лисина, его ровный спокойный голос: «Я хотел задать ей несколько вопросов...» Неужели и эта дамочка из ненормальных охотников за ведьминской магией?! Бабушка ушла, а они всё никак не успокоятся. Ищут колдовские амулеты?

Девушка вернула убогие сокровища в шкатулочку и принялась запихивать её в сумку.

– Но... – немного растерялась от такой торопливости Велена, – я купила бы у тебя те серёжки с гранатом. Очень милые. Я же хочу помочь.

Дрожащие руки не слушались Настю, и ей пришлось положить сумку на стол. Глаза Велены сверкнули, когда её взгляд упал на корешок дневника.

– А твоя книжка его, наверное, заинтересовала бы. Какой это век?

– Сама книжка кажется старой, – ответила девушка. – Но записи датированы семнадцатым годом прошлого века.

Велена не сумела скрыть разочарования. Настя начала застёгивать сумку, и в этот момент что-то переменялось. Клиентка, не пожалев свежего лака, остановила её руку. Впилась взглядом в корешок книги.

– Какой интересный знак... Покажи.

Сама Настя как-то не приглядывалась к обложке дневника – настолько увлекло её чтение – и охотно исполнила просьбу. Она вынула книжку из сумки и поднесла ближе к лампе. На корешке и правда были знаки – белка над пирамидой, поднявшийся на дыбы единорог, стоящий задними копытами на измерителе, и длинноногая птица, зажавшая в лапке молоток.

– Пожалуй, можно попробовать найти покупателя на эту книжицу. – Велена погасила огненный взгляд, но Настя, напуганная им, невольно прикрыла книгу рукой.

– Я ещё не думала, хочу ли её продать. Это подарок и... – Девушка смутилась. Получалось, что она сама просила о помощи, а теперь отказывается от неё из-за какого-то глупого предчувствия. Подумаешь, клиентка странно посмотрела.

Велена скривила губки, потянулась за шляпой.

– Было бы предложено, дорогуша, – проговорила она с напускным спокойствием. – Я только хотела тебе помочь. Впрочем, решишь продавать те серьги – обращайся. Просто... мне показалось, тебе действительно нужны деньги, а за эту книжку, очень может быть, Святик сумеет выбить для тебя хорошую цену. Но, если проблемы можно решить теми копейками, что ты выручишь за пару колец и серьги, – ты удивительно счастливый человек.

Велена поднялась, собираясь уйти. Настя с трудом сдержалась, чтоб не остановить её. Искушение довериться богатой даме и её антиквару было сильным, но девушка вспомнила о бабушке и промолчала. Бабушка никогда не дарила ей бессмысленных и бесполезных подарков. И к её последнему подарку стоило отнестись не только со вниманием, но и с уважением. Если в старинный ларец баба Соня положила этот дневник, значит, в нём есть что-то для Насти. Что-то важное. Быть может, когда она найдёт это важное, можно будет продать книжку, но сейчас... слишком рано.

Клиентка медленно надела перчатки, двинулась к выходу, совершенно позабыв о лежащем на столике колечке, но остановилась и обернулась, пронзив Настю странным взглядом. Девушка выдержала его, и Велена сдалась первой.

– Не хочешь выпускать книгу из рук, я понимаю, – проговорила она, поправляя шляпу. – Но я могу показать ему фото и, если Святника заинтересует твоя книжка, устрою вам встречу.

Настя нехотя кивнула, и Велена достала телефон, сердито бормоча, что никогда не думала, будто благотворительность – такое сложное занятие: делаешь человеку добро – а он упирается; сфотографировала знаки на обложке и решительно двинулась к дверям.

Настя потянулась за телефоном, чтобы поискать на городском форуме объявления о сдаче квартир или комнат, но рука наткнулась на корешок книги, и девушка не сумела противостать невероятному желанию вернуться к чтению дневника.

* * *

– Судя по всему, ты чем-то недовольна, красавица, – пробормотал Лисин, наблюдая за вылетающей из торгового центра Веленой. – Что-то пошло не так...

Влад сознательно не наполнял себя магической энергией и взял с собой только «спящие» артефакты. Их не смогли бы почувствовать даже высшие иерархи Тайного Города. Это обстоятельство, вкуче с тщательно подобранной «заурядной» одеждой – светлые джинсы, нежно-голубая рубашка, белые полукеды, – делали его незаметным для ведьмы, промчавшейся мимо столика, за которым потягивал кофе Лисин, не удостоив его и взглядом.

– Что же интересного ты нашла у нашей юной Настеньки? Неужели имеется наследство, о котором мы не знаем?

Смерть Софии Энгель вызвала у Службы досаду. Не самим фактом, разумеется – её мало кто мог избежать; и не тем, что старуху убили – к подобным происшествиям сотрудники Службы относились с привычным хладнокровием. Нет. Досаду вызвало то, что гибель официально зарегистрированной ведьмы прошла незаметно, узнали о ней чуть ли не через месяц, а присланные с обычной проверкой агенты вскрыли настолько интересные детали случившегося, что дело могло закончиться крупным скандалом.

Дабы его избежать, боссы Службы удвоили Владу гонорар, добавили полномочий, выдумали для отвода глаз расследование «похищения боевых артефактов» и велели не возвращаться из Владимира, не выяснив всю подноготную смерти старой ведьмы.

Будь она неладна!

Лисин обещал.

А пока он поднялся на третий этаж торгового центра и отыскал салон красоты, в котором работала внучка Энгель.

Девушка не была занята, сидела за рабочим столиком, низко склонив голову, и на первый взгляд могло показаться, что дремлет, но через мгновение Лисин понял, что она читает.

«Надо же, какая любознательная... У неё ещё остаётся время на чтение?»

Лисин знал, как тяжело приходится Насте: потеряла единственную родственницу, осталась без жилья, ночует в детском отделении больницы... Лисин даже знал, в какой палате лежит Кирилл, но специально разыграл вчера спектакль, не желая окончательно ввергать девушку в шок: первая встреча не задалась, и усугублять ситуацию не следовало.

Однако сейчас ему были нужны ответы, и он шёл к Насте с чётким пониманием того, что от неё хочет.

– Анастасия Николаевна!

Естественно, она вскрикнула, вскочила, схватив книгу и сумочку, и рванулась к лестнице, но к этому манёвру Лисин был готов и успел встать между девушкой и спасительной дверью.

– Анастасия Николаевна, ну зачем вы так? Почему не хотите поговорить?

– А я должна?

– А почему нет? Пара вопросов, и я от вас отстану.

Девушка затравленно огляделась: дверь на чёрную лестницу за спиной преследователя, входная в салон – шагах в десяти позади, но, чтоб развернуться и добежать до неё, нужна хоть крошечная фора, которую Лисин не даст.

Улыбающийся Лисин...

– Анастасия Николаевна... Настя... Мы с вами не очень удачно поговорили в прошлый раз, но я хочу...

На них уже стали обращать внимание, поэтому девушка сделала то, чего совсем от себя не ожидала: шагнула за угол в небольшой тупичок и скрылась за дверью туалета. Щёлкнул замочек, и до Влада долетел приглушённый шорох.

– Чёрт, – растерянно выдал он любимое словечко Васильева. И тихо постучал: – Анастасия Николаевна!

Тишина.

– Но это же смешно.

Тишина.

Дородная парикмахерша сдвинула брови и поинтересовалась: «Зачем вы хулиганите?», увидела полицейский жетон, отвернулась, что-то сказала подругам. По залу прошелестел смешок.

Лисин порозовел.

Но нет худа без добра. Воспользовавшись тем, что посетители и работники салона отвлеклись на весёлые шуточки о «тупом полицейском», Влад достал из кармана «универсальный дверевскрыватель б», вывел его из «спящего» режима, приложил к двери и аккуратно сдвинул в сторону закрытую с той стороны щеколду. После чего проскользнул внутрь:

– Анастасия Николаевна!

Снова тишина.

Туалет оказался небольшим: слева умывальник, на котором кто-то позабыл острую деревянную заколку, а прямо – пара фанерных дверок «до середины голени», под которыми виднелись белоснежные основания унитазов. Но только они.

Влад прислушался, усмехнулся и подошёл к левой кабинке.

– Признаться, Настя, я даже не знаю, что сказать. Это, конечно, очень по-взрослому: запереться в туалете и залезть с ногами на унитаз, в надежде, что плохой дядя не заметит вас и уйдёт? Да у вас сердце колотится так, что лампочка качается.

Она не ответила. Только задышала чаще.

– Если бы я действительно был плохим дядей, то давно уже вытащил бы вас из-за этой фанерки и получил ответы на все вопросы.

Она всхлипнула, но промолчала.

– Но в том-то и загвоздка, Настя, что я не плохой и не собираюсь таким становиться. Поэтому предлагаю поговорить по-хорошему.

– О чём? – тихо спросила девушка. – Вы ведь не из полиции, да?

– Почти из полиции, – вздохнул Лисин. – Я и впрямь капитан, только бывший, а сейчас представляю иную структуру.

– Частный детектив?

– Следователь страховой компании.

– Зачем вы показывали жетон? Зачем лгали?

– С представителями власти люди сотрудничают охотнее.

Девушка шмыгнула носом.

– Сейчас я иду по следу одного преступника, который обманом вытягивает из богатых людей драгоценности.

– При чём тут моя бабушка?

– Чел... человек, которого я разыскиваю, играет роль колдуна, – без запинки соврал Влад. – Именно так он и втирается в доверие к жертвам. Полагаю, у него неплохо развиты гипнотические способности.

– При чём тут моя бабушка? – повторила Настя.

– Вы ведь знаете слухи, которые о ней ходили. У меня есть основания предполагать, что преступник искал встречи с Софией Энгель.

– Её убили, – прошептала после паузы Настя. И Лисин придвинулся к фанерной створке на случай, если она вдруг соскочит со стульчака и рванет к выходу. – Её убили и ограбили. У бабушки была пара старинных украшений. Я знаю, что раз или два она покупала какие-то безделушки. Ей отчего-то хотелось, чтобы у меня было... приданое.

За дверью раздался сдавленный всхлип. Лисин промолчал.

– Я не видела рядом с бабушкой подозрительных людей, но твёрдо уверена, что она не стала бы покупать краденые вещи. Бабушка всегда жила честно. Всем помогала и ни с кого ничего никогда не брала... Мы никогда не жили в достатке. На что она должна была покупать такие вещи? Как продавала бы их, если последние годы почти не выходила из дома? Вы нас с кем-то перепутали.

– И никого подозрительного вы не видели?

– Никого.

Девушка снова всхлипнула.

– У нас нет денег, нам даже продать нечего, какой интерес может быть к нам у преступников? Неужели вы думаете, что, будь я скупщицей краденого, не сумела бы устроить сына в хорошую клинику? Неужели я собирала бы, экономя на всём, деньги на операцию? И знаете что? Я их так и не собрала. Если бы они были у бабушки, она завещала бы нам с Кирюшей, но их нет. Ничего у нас нет. Вы ошиблись.

Вспомнив о сыне, Настя стала смелее. Она спустилась на пол – Лисин увидел под дверью её ноги в потрёпанных туфлях с обитыми носами и вытертых джинсах, – и голос её стал громче.

– Я показала бы вам все драгоценности, которые были у бабушки, но у меня ничего нет – всё забрали полицейские. Да и огонь их сильно повредил.

– Меня интересуют не драгоценности, а человек, с которым ваша бабушка могла встречаться.

Девушка возмущённо фыркнула.

– Я же сказала, что к ней никто не приезжал!

– Вы сказали, что никого не видели.

– Спросите соседей!

Лисин неслышно положил на фанерную дверцу руку с артефактом «Спокойное море», и через несколько мгновений почувствовал результат: собеседница задышала ровнее.

– Не воспринимайте меня в штыки, Настя. Просто давайте подумаем вместе. Если бы я хотел причинить вам вред, то просто послал бы к вам полицию, дав им все ниточки, и вы уже были бы в тюрьме по нелепейшему подозрению в соучастии. Но мне важно разобраться, что к чему на самом деле. Я не привык действовать импульсивно, а вы, боюсь, подчиняетесь эмоциям. Иначе мы сидели бы с вами в уютном кафе за чашкой кофе или взяли бы по порции мороженого с карамелью и орешками, а не разговаривали через дверь в... санитарной комнате. Послушайте, Настя, и подумайте – не решайте и не отвечайте сразу. Вспомните ещё раз: не приходили ли к вам в дом какие-то незнакомые люди? Возможно, люди с запоминающейся внешностью? Или, наоборот, с совершенно не запоминающейся?

– Нет, – ответила из-за двери девушка. – Когда я была дома, никто не приходил. Только соседи.

– Хорошо. – Лисин всё ещё держал руку на двери на уровне головы Насти. – Может, ваша бабушка вела себя странно незадолго до того, как на неё напали? Она боялась кого-то?

– Нет. Всё было как всегда. Бабушка была очень собранной и деятельной, но я бы заметила, если бы она боялась. Нет... – Сомнение совершенно исчезло из голоса девушки.

– Отлично. Вы очень помогаете, Настя, – подбодрил Лисин, взвешивая каждое слово. Похоже, внучка действительно ничего не знала ни о Тайном Городе, ни о настоящих способностях бабки.

Однако Святомир зачем-то прошупывает её, присылая к девчонке свою ручную ведьму.

– Говорите, ваша бабушка много помогала людям. Что конкретно она делала?

Владислав не понял, где ошибся. Девушка мгновенно замкнулась, голос её стал насмешливо-злым.

– Из страховой компании, говорите? А я-то уши развесила. Думала, вы нормальный. А вы тоже из этих придурков, которые вечно бабушку донимали. Может, вы от Игната, хотя нет, уж он-то всё знает! Не бывает колдунов, слышите? Не бывает! И если вы тоже явились выяснить, не колдовала ли моя бабушка на этих ворованных кулонах или ещё на чём, я вам абсолютно твёрдо отвечу – нет! И можете убираться! Она не ведьма, и я тоже. Видно, даже со смертью бабули это не кончилось! Как же надоели вы все! Ищите колдунов в другом месте и, если найдёте, скажите мне – я последнюю рубашку продам, если настоящий колдун вылечит моего сына!

– Настя, выйдите вы из уборной, в конце концов, – рассердился Лисин, понимая, что новая ошибка свела на нет все его усилия договориться. Девушка фыркнула и снова забралась с ногами на унитаз.

– Ну вас на фиг! Хотите – становитесь плохим и тащите за волосы. Или бегите к своим хозяевам и сообщите, что не смогли согнать ведьму Энгель с унитаза в торговом центре! Да, я очень эмоциональна, но вы, такой умный, можете понять, что будь я или моя бабушка ведьмами, она не погибла бы от рук каких-то наркоманов, и мы не оказались бы сейчас в такой заднице!

Лисин понял, что вопросов к девушке больше не осталось. София Энгель использовала все свои умения в схватке с наёмником, даже пожертвовала жизнью, чтобы защитить что-то. Но, похоже, не доверила своей тайны даже единственному родному человеку – внучке. Это и понятно, поскольку девушка не унаследовала талантов бабки и едва ли могла стать стражем чего бы то ни было.

– Настя...

– Я всё вам сказала! – резко отозвалась из-за двери девушка. – Ловите ведьм в другом месте.

– Настя, последний вопрос, и я уйду. Уйду и больше не буду вас тревожить.

– Только один, – согласилась она, понимая, что это единственный способ отвязаться от прилипчивого красавчика.

– Помните такой психологический тест про... пожар в доме, – Лисин чувствовал, что снова допускает ошибку, говоря о пожаре. Всё равно что пригласить человека, чудом спасшегося с «Титаника», покататься на катере в открытом море.

– Это там, где нужно сказать, что ты вынесешь из огня? Самое важное? Я бы вынесла сына.

Лисин с облегчением выдохнул. Девушка была крепче, чем казалась.

– Вы хорошая мать, Настя. Но я немного перефразирую. Если бы ваша бабушка оказалась в замке, на который напали вражеские рыцари, что она попыталась бы спрятать и защитить?

– Меня. – В голосе девушки была такая уверенность, что Лисин немного опешил.

– А из каких-то памятных вещей... Может, что-то старинное, передаваемое из поколения в поколение? Что-то очень ценное?

– «Молот ведьм», – мрачно сообщила из-за двери девушка. – Рукописный. Вот такенная книга. – Над дверью появилась бледная рука. Большой и указательный пальцы отмеряли тол-

щину невидимого тома. – И конечно, «Некрономикон». Прабабка переписывала. Мы с бабушкой его каждый вечер читали.

– Анастасия Николаевна, ну, знаете, шутки у вас... идиотские! – рассердился Лисин, поняв, что девчонка над ним глумится.

– А у вас идиотские намёки. Какой вопрос – такой ответ. Никакую страшную ведьминскую тайну бабушка мне не завещала. Если не верите, приходите с полицией, ордерами, ройте под домом хоть до земного ядра, обыщите комнату, которую я снимаю, в салоне посмотрите... Может, найдёте то, что я смогу продать и оплатить операцию сына!

– Вылезайте из этой проклятой кабинки, Настя! Если ваша бабушка и правда оставила вам что-то старинное и ценное, вы можете быть в большой опасности. Она погибла, защищая это! – Лисин готов был открыть разделяющую их дверцу, но в этот момент сзади послышалось визгливое:

– Эй, безобразие! Сколько можно туалет занимать? Не у себя дома, людям тоже надо!

– Занято, – отозвался Лисин сердито.

– Эй, это же дамский. Ну-ка выходите немедленно! Леня два шага пройти до мужского? А потом на полу не пойми что!

Лисин скрипнул зубами, вышел и, уставившись мрачным взглядом в переносицу полной даме в синей блузе и слишком облегающих её тучную фигуру льняных брючках, произнёс:

– Не работает. Засор. В другой пойдите!

– В какой другой?

– В тот, где нет засора!

Чтобы взглядом осадить челов, Владу артефакты не требовались. И магическая энергия внутри – тоже. Был у него по этой части и опыт, и талант кое-какой, и потому тётка, увидев взгляд колдуна, лишь ойкнула и согласилась:

– Конечно, в другой. Что я, дура, в засор ходить.

– Вот именно. – Лисин обернулся и увидел набегающую на него девушку. – Настя!

Но та не слышала.

– Не глупите!

Тётка исчезла, не желая вмешиваться в разборки, но Влад уже забыл о её существовании. Схватил девушку за руку и...

– Ой! Ты что, сдурела?!

Пойманная беглянка схватила с умывальника забытую кем-то заколку и воткнула её в руку колдуна. Деревянное остриё едва пробило кожу, удивлённый Лисин выпустил жертву и тотчас оказался заперт. Настя выскочила вон и снаружи заперла дверь на задвижку.

– Оставьте мою семью в покое! Вы все, проклятые охотники за волшебниками! Ненавижу вас всех! Мою бабушку убили, а вы только и кружите, как стервятники, ищете, чем бы пожить... Лучше найдите того, кто её убил, – и тогда поговорим. Может, я хоть тогда пойму, за что нам всё это!

Лисин выдернул из руки и бросил на пол заколку, машинально облизнул ранку и прислушался: девушка не убежала. Стояла за дверью, неожиданно спокойная и сосредоточенная.

* * *

Настя задвинула щеколду и огляделась. Увидела обращённые на неё взгляды сотрудников и посетительниц, подумала и чуть поклонилась.

В ответ услышала негромкие аплодисменты.

Которые стали сильнее после того, как девушка повесила на дверь картонку: «Не работает».

– Он мне надоел.

- И правильно!
- Молодец!
- Отлично!

Но, улыбаясь и слушая ободряющие возгласы, Настя лихорадочно думала, что делать дальше.

Понятно, что слабенькая дверь Лисина не удержит, и сидеть в туалете он будет до тех пор, пока она не предпримет попытку сбежать. Сразу после он бросится следом, а останавливать его никто не будет – не дураки. Похлопать собравшиеся похлопают, но вставать на пути серьёзного мужика с полицейским жетоном и наверняка с пушкой не рискнут.

Да и куда ей бежать? В больницу она могла попасть только через пару часов – сейчас все на процедурах, а с посетителями в первой половине дня медики особенно строги. На квартиру являться глупо... А больше идти некуда. Не по улицам же таскаться.

Настя улыбнулась, показывая присутствующим, что всё идёт как задумано, и повернулась к двери.

* * *

– Кто-то надеется продать тебе бабушкину сказку?

– Не мне, а Велене, – не скрывая насмешливого превосходства, ответил Святомир. История со старухой Энгель пока была достаточно мутной, и люд, не желая выглядеть дураком, решил прикрыться любовницей.

Турчи не слишком поверил, однако правила игры принял и продолжил совершенно серьёзным тоном:

– Значит, кто-то пытается обмануть твою восхитительную Веллу, впарив ей чушь? – Короткий смешок. – Но я понимаю, что глупо требовать от красивой женщины вести себя разумно, поэтому сильно подругу не ругай.

– К тому же она из челов, – добавил люд.

– Вот и посоветуй ей делать то, что хорошо умеют делать красивые женщины, и не совать свой хорошенький носик в мужские дела.

Велена, сидевшая в глубоком кресле вне поля зрения Турчи, а точнее – камеры ноутбука Святомира, тихо фыркнула и потянулась к бокалу с белым вином. Пальцы её слегка подрагивали.

Хитроумный шас бесил ведьму. Она и так-то недолюбливала выходцев из Тёмного Двора, включая племя торгашей, но Ашрав доводил её до иступления. И он, и тот факт, что Святомир во всём ему подыгрывает: смеётся над дурацкими шутками и отпускает подленькие сексистские замечания о женщинах и расистские – о челах.

Люд хотел заключить с шасом сделку и всячески его обхаживал. Но при этом близко старался не подпускать, встречался только по необходимости, и сейчас, например, общался с носатым по Сети, отказавшись от любезного предложения сгонять порталом в Москву – поужинать.

Тем не менее Святомир, совершенно неожиданно для Велены, рассказал носатому о странной книге из наследства Энгель, поскольку знал, что Ашрав из всего антиквариата особенно выделяет книги и заслуженно считается большим специалистом в этом вопросе. Второй целью было получение информации: если шас не заинтересуется, то сможет проконсультировать.

Однако Ашрав заинтересовался, люд понял это по быстрому взгляду, который шас бросил на фотографию странной метки. Заинтересовался, но постарался не показать вида.

– Значит, говоришь, старуха Энгель... – протянул шас, потягивая коньяк. – Говорят, она была затворницей.

– У меня не спрашивай, до вчерашнего дня я о ней ничего не слышал.

– Вижу.

– Что видишь?

– Что ты не слышал.

Несколько секунд Свят недоуменно таращился на собеседника, а затем рассмеялся:

– Этот русский язык...

– Согласен – интересный.

– Неужели тебе не доводилось видеть этот странный символ? – неожиданно, как ему казалось, спросил люд.

Однако предмет «Основы деловых переговоров» шасы начинали изучать ещё в материнской утробе, поэтому поймать Ашрава у люда не получилось.

– Челы забавны своей дикостью и необразованностью, которые они называют постмодернизмом. У большинства из них напрочь отсутствуют и знания, и чувство стиля, и они причудливо смешивают всё, о чём слышали. Как здесь: масонские символы и гербы Великих Домов.

– То есть такой секты никогда не было?

– Как раз была. – Шас кивнул на фото. – Но она не представляла собой ничего серьёзного.

Ашрав пожал плечами и улыбнулся, показывая, что ему неловко расстраивать собеседника.

– Но если у тебя есть возможность отсканировать пару страничек, я смог бы сделать более точный вывод о книге. Вероятно, даже купил бы её... Один из моих клиентов как раз коллекционирует подобные вещи: старинные дневники, оригиналы мемуаров, карты давно найденных сокровищ и свитки, ведущие к тайнам, которых нет и никогда не было... Эти символы на обложке смотрятся не слишком убедительно, но, может быть, страницы выглядят поинтереснее.

Святомир сохранил равнодушно-невозмутимый вид, но шас догадался, что сболтнул лишнего и слишком продемонстрировал интерес к книге.

– Впрочем, не знаю, получится ли, – пробормотал он. – Знаки знаками, но хорошей ли кожи обложка, какова сохранность страниц?

– Как я понял, не очень хорошая, – с грустью ответил Святомир.

– Жаль.

– Согласен.

– Но ты всё-таки попробуй её отсканировать. На всякий случай.

– Странички три?

– Сколько получится.

– Договорились.

– Что же касается «Лавки», то завтра я сделаю финальное предложение, и ты, уверен, не сможешь от него отказаться.

– И у нас останется одна проблема...

– Лютополк.

– Лютополк.

– Ты обещал уладить эту проблему.

– Я помню.

– До завтра, Святомир.

– До завтра, Ашрав.

Люд закрыл крышку ноутбука и потёр глаза:

– Надо было встречаться лично. По Сети невозможно читать собеседника.

Велена не ответила. Пригубила вино, глядя за окно на верхушку запылённой липы, и промолчала, покачивая бежевую домашнюю туфлю на большом пальчике правой ноги.

– Купив «Лавку» и заполучив моих клиентов, Ашрав перескочит через ступеньку и войдёт в число крупнейших антикваров Тайного Города. Сейчас же он середняк, и отношение к нему...

Туфелька сорвалась с ноги и с глухим стуком упала на ковёр.

– Зачем ты рассказал ему о книге? – резковато спросила ведьма.

– Ашрав – специалист.

– Ты не смог опознать символы, а значит, с книгой связана тайна...

– Но...

– Которой ты только что поделился с шасом. С шасом, Свят!

– Ты же слышала: постмодернизм...

– И ещё я слышала, как этот шас говорил, как произносил явную чушь.

Святомир вздохнул и отвернулся, не хотел признаваться, что сглупил. Заигрался во взаимные любезности. Да и не ожидал, если честно, что в провинциальной мусорной куче может отыскаться что-то настолько ценное, что заинтересует прожженного Турчи.

А Турчи заинтересовался...

Теперь он узнал о книге и, судя по всему, знал легенду, на которую указывали знаки на обложке. А вот сам Святомир, сколько бы ни пытался, не смог вспомнить ни одной подходящей истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.